

ТИПОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В БОРЬБЕ ЗА СМЫСЛЫ АРАБСКОЙ РЕЖИМНОЙ ДИНАМИКИ¹

О. Г. Харитонова

Харитонова Оксана Геннадьевна,
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, проспект Вернадского, 76,
Москва, 119454, Россия.
Эл. почта: o.haritonova@inno.mgimo.ru. ORCID 0000-0003-1908-0613.

Аннотация. Анализ существующих в политической науке классификаций и типологий политических режимов показывает, что классификации, нацеленные на проведение глобальных сравнений на высоком уровне абстракции, не всегда способны фиксировать политические подвижки внутри одного режима, что связано как с быстрыми изменениями в политической сфере, так и с трудностями оценки изменений в разных политико-культурных средах. Для более точного отражения режимной динамики автор предлагает спуститься на средний уровень лестницы абстракции, а также использовать детализированную четырехуровневую таксономизацию политических режимов. В частности, на первом уровне анализа применяется трихотомия с выделением демократического, гибридного и авторитарного режимов; на втором рассматриваются формальные институты политических режимов с использованием модифицированной институционально-фокусированной классификации А. Хадениуса; на третьем учитывается основа легитимации режима, в том числе традиционная (монархическая и религиозная), идеологическая, харизматическая и популистская формы; на четвертом в классификацию включаются вариационные факторы устойчивости политического режима, в том числе ресурсы (режимы-рантье), репрессии, WOW-факторы. Предлагаемый алгоритм таксономизации разработан на эмпирическом материале стран Арабского Востока.

Ключевые слова: Арабский Восток, политические изменения, авторитаризм, легитимность, режимная динамика, политический режим, таксономизация политических режимов.

Введение

Как точно сформулировал Дж. Сартори, «главная беда компаративистского расширения дисциплины заключается в том, что оно ведет к утрате точности, к появлению размытых и по большей части неопределенных концептуализаций» (Sartori, 1970: 1034). В то же время политической науке необходимы аналитические инструменты, применимые в разных политико-культурных контекстах. С учетом быстрых изменений в политической сфере важно, чтобы сравнительная работа в этой области регулярно обновлялась и совершенствовалась, а наиболее распространенные классификации и типологии подвергались переоценке. С этой целью в статье предпринята попытка критической оценки объяснительного потенциала известных типологий политических режимов применительно к арабским реалиям. Интерес к арабской проблематике продиктован большим количеством режимных разновидностей в рамках общей авторитарной рамки.

Для более точного отражения страновой режимной динамики посредством методов качественного и количественного анализа автор предполагает спуститься на средний уровень лестницы абстракции, а также использовать четырехуровневую

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00922А «Арабское государство после “арабской весны”: траектории и динамика политических трансформаций».

таксономизацию политических режимов. В частности, предложен следующий алгоритм исследования режимов: на первом уровне анализа применяется трихотомия демократический — гибридный — авторитарный; на втором — рассматривается формальное институциональное обеспечение политических режимов с использованием модифицированной институционально-фокусированной классификации А. Хадениуса; на третьем — учитывается основа легитимации режима; на четвертом — в классификацию включаются вариационные факторы режимной устойчивости, в том числе ресурсы (режимы-рантье), репрессии, WOW-факторы. В заключении представлены возможные направления апробации полученных результатов.

Арабские режимы в зеркале основных режимных классификаций

В сравнительной политологии сложился устойчивый консенсус относительно категоризации режимов арабских стран в качестве авторитарных, за исключением Туниса, Ливана и Марокко. Однако, если вспомнить слова Б. Геддеса о том, что авторитарные режимы отличаются друг от друга не меньше, чем они отличаются от демократии, встает вопрос о валидности применения известных классификаций и типологий недемократических режимов к арабским политическим реалиям.

В связи с этим далее будут проанализированы примеры включения арабских режимов в основные режимные классификации и их интерпретации. Первая из этих классификаций известна как GWF (сокращение от Geddes, Wright, Frantz, 2018), вторая — как НТW (Hadenius, Teorell, Wahman, 2013).

Б. Геддес с коллегами подразделяют авторитарные режимы на однопартийные, военные и персоналистские, а также наследственные монархии, теократии и их сочетания. В классификации недемократических режимов А. Хадениуса и Ж. Теореля присутствуют монархии, военные и электоральные режимы, причем эти категории не являются взаимоисключающими, хотя примеров военно-монархического типа не было. В качестве отдельных подкатегорий выделены беспартийные, однопартийные, многопартийные, повстанческие режимы и их различные сочетания. Согласно этой классификации, режим Хосни Мубарака в Египте является ограниченно многопартийным, а режим нынешнего президента Абдель Фаттаха ас-Сиси — военно-беспартийным в 2013 г. и военно-многопартийным с 2014 г.

Главное отличие между двумя подходами заключается в разной концептуализации и операционализации персоналистских режимов. Часть политологов (Б. Геддес, Э. Франц и др.) вслед за С. Хантингтоном фиксируют существование как персоналистских, так и гибридных режимов, сочетающих персонализм с другими чистыми типами, например, военным, однопартийным или первым и вторым одновременно. Примеры таких сочетаний дают Египет (с 1952 г.) и Сирия (с 1963 г.) вплоть до «арабской весны». Н. Эрцоу и Э. Франц называют военно-персоналистско-однопартийный режим «тройной угрозой» (*triple threat*) ввиду его наибольшей устойчивости к попыткам трансформации (Erzow, Franz, 2011: chapter 13). Вариант демократизации персоналистских режимов С. Хантингтон видит в модели «замены» (изменения «снизу») (Хантингтон, 2003).

Другие авторы (А. Хадениус и Ж. Теорель, Дж. Ганди, Б. Магалони), наоборот, считают, что персонализм в той или иной степени характерен для всех авторитарных режимов и не составляет отдельной категории. Поэтому режимы в Сирии (Хафез Асад и Башар Асад) и Ираке (Саддам Хусейн) в базе GWF классифицированы как военно-персоналистско-однопартийные, а в базе НТW — военно-однопартийные.

Если использовать терминологию Х. Линца, то персоналистский режим можно назвать султанистским, так как в нем все решения единолично принимает «султан». В предложенной исследователем типологии авторитарные режимы отличаются от султанистских по четырем признакам. Во-первых, авторитарный режим допускает определенный уровень плюрализма, в том числе политического, а султанистский — нет. Во-вторых, в авторитарных режимах можно наблюдать систематизированное идеологическое обоснование политики (например, арабский социализм, панисламизм, панарабизм), а в султанистских имеют место культ личности и политические утопии. В-третьих, границы власти лидера в авторитарном режиме четко определены, и какие-то сферы жизни общества, не создающие угрозу режиму, выпадают из-под авторитарного контроля, в то время как в султанистских власть «султана» безгранична. Единственный общий признак двух режимов — это отсутствие политической мобилизации, хотя и не безусловное. Если она все-таки происходит, то в случае султанистского режима направлена на поддержку лидера, а авторитарного — на поддержку идеологии. Из всех ближневосточных режимов в категорию султанистских попадал только режим Муаммара Каддафи.

Х. Линц и А. Степан рассматривают султанизм как «континуум», располагая в нем режимы в зависимости от степени автономии акторов и уровня секретности (*discretion*) в процессе принятия решений (Linz, Stepan, 2013: 26). По их мнению, режим Хосни Мубарака не был полностью султанистским, хотя и имел его отдельные черты (высокий уровень коррупции, клановый капитализм, подготовка к династической передаче власти сыну Гамалю), так как армия сохранила институциональную автономию и смогла отстранить президента от власти в кризисной ситуации (Linz, Stepan, 2013: 28). Следует отметить, что и сам термин «султанистский режим» подвергается критике из-за неправомерной отсылки к восточным политическим практикам и произвольного приложения к различным типам автократий.

Исследователи страновых разновидностей персонализма называют их элитарными, так как политика (сотрудничество, борьба фракций) осуществляется только внутри политического класса меньшинства («дворцовая политика»), обладающего властью и привилегиями. Большинство же является немобилизованным и неорганизованным, что делает персоналистскую политику непубличной и асоциальной, не зависящей от интересов, чаяний и проблем социальных групп, не входящих в правящий класс. В этих режимах нет эффективных институтов, поэтому они не относятся к бюрократическим; их лидеры сами определяют свою роль и при необходимости изменяют формальные правила (Jackson, Rosberg: 423–426) — в отличие от бюрократических, где лидеры встраиваются в действующие правила.

Изложенные характеристики персонализма определяют сложности его операционализации. Так, Дж. Уикс выводит индекс персонализма, основанный на восьми переменных, в числе которых контроль над передачей власти, назначение на правительственные посты, роль формальных институтов в процессе назначений и принятия решений (Weeks, 2012). На основе индекса она создает матрицу политических режимов, где выделены четыре идеальных типа: неперсоналистские военные режимы (хунты) и неперсоналистские однопартийные режимы (политические машины), персоналистские военные режимы (диктатуры) и персоналистские гражданские режимы (боссы) (*ibid.*: 330). «Боссами» исследователь называет Анвара Садата, Хосни Мубарака и Саддама Хусейна, а «диктаторами» — Гамалю Абдель Насера и Ахмеда Хасана аль-Бахра (президент Ирака в 1968–1979 гг.).

В исследовании Б. Геддес, Э. Франц и Дж. Райта в качестве определяющей характеристики персонализма понимается контроль со стороны «персоны» над всеми уровнями власти. Для создания индекса персонализма (G-pers), или консолидации власти лидера, авторы используют восемь бинарных переменных (создание лидером собственной партии, контроль лидера над аппаратом безопасности и др.) (Geddes, Wrigh, Frantz, 2018). Преимуществом этого индекса является отражение им динамики изменений внутри отдельных режимов (например, лидер может видоизменять сети лояльности и полагаться в зависимости от обстоятельств на разные институты — армию, партию, клику, церковь и пр.), что позволяет ранжировать лидера по уровню персонализма.

Дж. Райт считает, что применение стационарных переменных в качестве независимых проблематично для исследователя, и на примере операционализации персонализма показывает, к каким разным результатам это может привести. При использовании стационарной бинарной переменной (персонализм-неперсонализм) персоналистские режимы начинают демонстрировать меньшую устойчивость, чем при использовании более динамичного индекса персонализма (G-pers) (Wright, 2021: 16). Однако создание подобных индексов для недемократических режимов требует от исследователя наличия не только экспертных знаний, но и инсайдерской информации, которая чаще всего не может быть верифицирована.

Сложности возникают и с категоризацией монархических режимов. Режимы классифицируются как монархии только в том случае, если монарх обладает реальной, а не церемониальной властью, элита представлена королевской семьей, а передача власти институционализирована в соответствии с установившейся практикой (А. Хадениус, Б. Геддес, Н. Эрцоу и др.). Согласно Дж. Браунли, монархия является наследственной в случае, если власть передается от отца к сыну, подготовка к передаче власти начинается задолго до смерти монарха, отсутствуют какие-либо демократические процедуры, и право семьи на власть формально закреплено (Brownlee, 2007: 599).

Не все монархии демонстрируют одинаковую устойчивость, поэтому специалисты по ближневосточным монархиям выделяют среди них отдельные подвиды. М. Херб разделяет монархии на династические и нединастические (Herb, 1999), другие авторы в этой логике выделяют династические и монархоцентричные (linchpin) режимы (Bank, Richter, Sunik, 2014).

В династических монархиях (Саудовская Аравия, Бахрейн, ОАЭ, Кувейт, Катар) монаршая семья образует правящий институт, монополизирует высшие государственные должности, включая посты главы и членов правительства и распределяет другие позиции между своими членами, обеспечивая единство и солидарность семьи, преемственность и устойчивую гегемонию (Herb, 1999: 8). По словам Л. Андерсон, в династиях укрепляется династическая солидарность, так как ни один монарх не хочет, чтобы династия завершилась на нем или его преемнике (Anderson, 1991: 15).

В нединастических монархиях (Иордания, Оман, Марокко) монарх обладает абсолютной властью в выборе преемника, а члены королевской семьи получают все посты на его усмотрение, но не участвуют в процессе принятия решений. По мнению М. Херба, ирония этого случая заключается в большей персональной власти монарха и меньшей устойчивости режима.

В свое время С. Хантингтон писал о «дилемме короля» в процессе модернизации: с одной стороны, для осуществления реформ необходима централизация,

с другой — она делает невозможным включение новых групп и рассредоточение власти (Хантингтон, 2004: 186). Именно концентрация власти в руках монарха способствует наибольшей уязвимости монархоцентричных режимов. Согласно М. Хербу, ни одна династическая монархия не была свергнута в результате революции, хотя другие, запрещающие участие членов королевской семьи в правительстве, распадались в результате переворотов и революций (Афганистан 1973 г., Египет 1952 г., Иран 1979 г., Ирак 1958 г., Ливия 1969 г.²) (Herb, 1999: 9). Монархоцентричность приводила к тому, что монарх, а не королевская семья, становился центром (*linchpin*) политической власти, что делало его уязвимым. Три сохранившиеся монархии (Иордания, Марокко, Оман) конституционно разрешали членам королевской семьи участвовать в работе правительства, но не монополизировать его (*ibid*).

По мнению Дж. Голдстоуна, основным преимуществом монархий является гибкость политических структур: монарх может сохранить значительную исполнительную власть даже при существовании легислатуры, так как «во время беспорядков толпа с большей вероятностью будет выступать против легислатур, чем против монархии» (Goldstone, 2011: 13).

Таким образом, любые классификации политических режимов, нацеленные на проведение глобальных сравнений на высоком уровне абстракции, не свободны от внутренней противоречивости, не всегда улавливают политические изменения внутри одного авторитарного режима и воспринимаются как несколько упрощенные (Харитонова, 2021). В качестве возможного пути решения данной проблемы автор предлагает классифицировать политические режимы на среднем уровне абстракции с использованием четырехуровневой таксономизации.

Попытка построения и обоснования четырехуровневой таксономизации

а) Первый уровень: трихотомия

На первом уровне анализа используется трихотомия — классификация, включающая демократический, гибридный и авторитарный режимы.

В данном случае гибридный режим концептуализируется по Х. Линцу и А. Степану (Linz, Stepan, 2013), которые после «арабской весны» расширили типологию режимов и включили в нее авторитарно-демократический гибридный тип.

Гибридные режимы сочетают авторитарные и демократические институты и практики и представляют, по мнению Л. Морлино, «оптическую иллюзию», так как могут одновременно классифицироваться как «демократии с прилагательными» и как «авторитаризмы с прилагательными». Гибридные режимы («соревновательный авторитаризм» у С. Левицкого и Л. Уэя и «электоральный авторитаризм» у А. Шедлера) представляют собой промежуточные режимы — от приближающихся к электоральным демократиям по уровню плюрализма и соревновательности режимов с доминирующей партией, в которых правящая партия широко использует любые средства для превращения оппозиции во второстепенную силу, до персоналистских режимов, организующих выборы (Харитонова, 2012).

² В различных базах данных Июльская революция 1952 г. в Египте, Июльская революция 1958 г. в Ираке, ливийская революция 1969 г. могут классифицироваться и как революции (из-за революционных результатов и упразднения монархий), и как перевороты (по методу осуществления режимных трансформаций).

Гибридный режим представляет собой наиболее концептуально размытую категорию, так как является результатом определенных сочетаний полупротекторности, полусоревновательности, полурепрессий. Такие характеристики делают эти режимы уязвимыми перед протестными действиями, восстаниями и другими формами гражданского неповиновения и насилия, в том числе вооруженными конфликтами. Вследствие этого институционального противоречия гибридные режимы наименее стабильны и несут в себе самые высокие риски режимных изменений. Согласно А. Степану и Х. Линцу, с течением времени гибридный режим может перестать быть типом, так как способен измениться в любом направлении, либо окажется неустойчивым (Linz, Stepan, 2013). Основные акторы в этих режимах одновременно верят и в то, что без определенных элементов демократии (например, выборов, определяющих состав правительства) они могут потерять легитимность и поддержку сторонников, и в то, что они должны сохранить авторитарный контроль над ключевыми аспектами политики (Linz, Stepan, 2013: 20).

б) Второй уровень: включение институциональных параметров

На *втором уровне* классификации рассматриваются формальное институциональное обеспечение политических режимов с использованием модифицированной институционально-фокусированной классификации А. Хадениуса, который выделяет электоральные и неэлекторальные режимы, а также разновидности многопартийных систем. Эта классификация учитывает институциональные изменения внутри одного режима, поэтому ее использование представляется более перспективным. Например, египетский режим от Мохаммеда Нагиба (1953–1954) до Хосни Мубарака (1981–2011) классифицируется в базе GWF как непрерывный военно-персоналистско-однопартийный, что не учитывает происходивших институциональных изменений (легализация политических партий, введение многопартийных парламентских и альтернативных президентских выборов, введение квоты (64 места) в нижней палате для женщин и др.). Новые черты авторитарной институционализации отражены в базе NTW, где в этом периоде выделяются два типа режимов: однопартийный режим созданной Гамалем Абдель Насером партии Арабский социалистический союз и многопартийный с доминирующей Национально-демократической партией при Анваре Садате и Хосни Мубараке.

Недемократические и гибридные режимы часто используют такие демократические институты, как политические партии, выборы и парламенты, однако партии нужны им не для соревнования, выборы — не для передачи власти, а парламенты — не для принятия решений. Внедрение этих институтов имеет целью лишь сохранение режима и противостояние потенциальным угрозам власти лидера. Институционализация в недемократических режимах создает устойчивость авторитарных практик и процедур, так называемую институционализированную определенность (термин В. Банс).

Создание партии поддержки лидера может стать противовесом для других внутрирежимных фракций, таких как хунта или клика. Правящая партия нужна недемократическому режиму в качестве главного инструмента для контроля над обществом, мобилизации поддержки режима, предоставления контролируемых возможностей политического участия и кооптации предполагаемой или существующей оппозиции.

Парламенты в недемократических режимах позволяют артикулировать оппозиционные настроения без открытого сопротивления режиму. Парламенты идеально подходят для достижения следующих целей: обеспечения представительства выбранных диктатором групп, предоставления им возможности предъявлять требования, контроля над процессом переговоров и демонстрации формального желания диктатора подчиняться внутренним правилам (Gandhi, Przeworski, 2006: 14). Авторитарные парламенты так же, как и партии, помогают сохранить авторитарные режимы: во-первых, снижают вероятность замены лидера, во-вторых, обеспечивая доступ потенциальной или реальной оппозиции к властным структурам, препятствуют появлению неконтролируемых лидером требований изменения режима.

Авторитарные режимы часто вводят институт выборов. Выборы нужны для легитимации режима, для уступок оппозиции, преодоления распада режима и, главное, для получения информации о реальной поддержке режима и распределении этой поддержки. С точки зрения А. Шедлера, эти лидеры надеются «сорвать плоды электоральной легитимности без риска демократической неопределенности» (Schedler, 2002: 37). И если внутренняя легитимация таких выборов может быть под вопросом, международная легитимность часто дает позитивные результаты. Дж. Браунли назвал выборы в диктатурах «клапаном безопасности для регулирования общественного недовольства» (Brownlee, 2007: 8).

В абсолютных монархиях³ (Королевство Саудовская Аравия) все ветви власти сосредоточены в руках монарха. В Кувейте и Бахрейне эмир/король, обладающий значительными законодательными и незакондательными полномочиями, сосуществует с всенародно избираемой Национальной ассамблеей (в Кувейте парламент однопалатный, а в Бахрейне избирается только нижняя палата), перед которой формально несет ответственность назначаемое эмиром правительство (Конституция Кувейта 1992 г.⁴, Конституция Бахрейна⁵). Как отмечал М. Херб, парламентское открытие в монархиях становится возможным при двух условиях: во-первых, отношение оппозиции к либеральной монархии должно быть позитивным, во-вторых, баланс сил между монархом и оппозиции должен способствовать компромиссам (Herb, 1999:259). Но династические монархии настолько устойчивы, что им нет необходимости проводить либерализацию даже под общественным давлением (Herb, 1999: 262).

Политические партии, парламенты и выборы — основные элементы, способные сохранить недемократический режим ненасильственными способами. Эти институты не приводят к смене лидерства и не являются инструментом вертикальной ответственности, однако они необходимы для разрешения внутрирежимных конфликтов и предотвращения потенциальной дестабилизации. По мнению Б. Геддес, «с точки зрения диктатора, партии поддержки и выборы — ключевые элементы его персональной стратегии выживания» (Geddes, 2006: 136).

На данном уровне классификации учитываются институт выборов и степень их соревновательности (индекс Т. Ванханена), фракционализация партийной системы

---

³ Применительно к Саудовской Аравии этот термин условен в том смысле, что не отражает ответственности монарха перед Божественным законом (шариатом).

⁴ Kuwait's Constitution of 1962, reinstated in 1992. Retrieved from: https://www.constituteproject.org/constitution/Kuwait_1992.pdf

⁵ Bahrain's Constitution of 2002 with Amendments through 2017. Retrieved from: https://www.constituteproject.org/constitution/Bahrain_2017.pdf

и парламента (индекс эффективного числа партий на выборах и в парламентах соответственно), уровень доминирования правящей партии (индекс власти) и индексы полномочий парламента и главы исполнительной власти. Многие гражданские арабские режимы использовали и продолжают использовать институты парламента, выборов и партий, однако «нигде в регионе центр силы не мог быть оспорен» (Albrecht, Schlumberger, 2004: 375). Несмотря на это утверждение, степень институционализации имеет значение для определения уровня устойчивости политических режимов. Согласно А. Хадениусу и Ж. Теорелю, многопартийные режимы с доминирующей партией имеют больше шансов на демократизацию, чем однопартийные режимы.

в) Третий уровень: варианты легитимации

На *третьем уровне* классификации учитывается основа легитимации режима, в том числе традиционная (монархическая и религиозная), идеологическая, харизматическая и популистская формы, выделенные на основе двух классических теорий легитимности М. Вебера и Д. Истона (для изменяющихся обществ). Первый выделял харизматическую, традиционную творениями (патримониальную) и рационально-легальную формы легитимности, второй – структурную, идеологическую и персональную формы в зависимости от объекта (легитимации) – режима или правителей (Easton, 1965: 287). По М. Веберу, структурная легитимация может соответствовать как традиционному, так и рационально-легальному типу. Она имеет место, когда необходимо признать роль акторов в структуре власти в соответствии с определяющими правилами и обязанностями, налагаемыми постом (Easton, 1965: 299). Согласно Д. Истону, «поддержки заслуживают только те представители власти, кто занимает пост в соответствии с признанными правилами» (Easton, 1965: 301).

В свое время М. Хадсон назвал арабское общество «посттрадиционным» (в логике Ш. Эйзенштадта), находящимся в «амбивалентном состоянии, не способствующем ни традиционной, ни рационально-легальной легитимности» (Hudson, 1977:17). При отсутствии демократической легитимности стратегические цели выживания недемократических и гибридных режимов достигаются поиском иных форм легитимации и сочетанием традиционных и рациональных форм. В частности, для монархий характерны традиционные (религиозная, монархическая, патримониальная), а также персональная и структурная формы легитимности, для гражданских режимов, в том числе возникших в результате свержения монархий, – идеологическая, харизматическая и популистские формы. Эти формы легитимации направлены на обеспечение поддержки правителю и устойчивости режимов.

Арабские монархии в качестве легитимации используют традиционные (религиозную и монархическую) формы. Как отмечала Л. Андерсон, «способность монархов апеллировать к традициям, пусть и вымышленным, обеспечивает им легитимность» (Anderson, 1991: 15). Все монархии региона, за исключением Марокко и Омана, созданы в противопоставления XX в., и их «традиционная» легитимность сформировалась в результате успешных проектов государственного строительства (Anderson, 1991: 4). В названиях двух монархий (Королевство Саудовская Аравия и Иорданское Хашимитское королевство) официально закрепляется связь между государством и правящими семьями (саудитов и хашимитов), что также подчеркивает династическую легитимность этих политий.

Религиозная легитимация правителя не подвергалась сомнению, так как в исламском сообществе (умме) не могло быть открытого противопоставления между мирским и трансцендентным в силу универсального характера Божественного закона — шариата.

В настоящее время все арабские конституции (за исключением ливанской⁶) закрепляют ислам в качестве государственной религии, и большинство из них предусматривают, что шариат (или фикх, как в Сирии) является источником законодательства. При этом «рассматриваемое конституционное положение толкуется таким образом, что ... речь идет о признании шариата не единственным и даже не ведущим, а лишь одним из тех источников законодательства, которые отнесены к главным» (Сюкияйнен, 2016: 209).

В Саудовской Аравии политическая связь власти и религии началась с исторического союза семьи Аль Сауд и шейха Мухаммада ибн Абдель Ваххаба в борьбе за создание государства. О доминирующем положении монарха в современном саудовском обществе свидетельствует его официальный титул (с 1968 г.) — хранитель Двух Благородных Святынь (Каабы в Мекке и мечети Мухаммада в Медине). Правительство (де-факто — монарх) назначает главу Совета высших улемов, а с 1993 г. в структуре саудовской власти функционирует Министерство исламских дел, вакфов, призыва и наставления, что едва ли не полностью подчиняет корпус богословов государственной власти (Косач, 2013: 109–110).

Согласно А. Питчер, нет прямой причинно-следственной связи между веберовским типом господства и легитимности и политическим режимом. По ее мнению, говоря о патримониальном господстве, М. Вебер не имел в виду отдельного типа режима; патримониальная власть является по-своему легитимной, так как строится на добровольном подчинении, достигнутом в результате материальных и нематериальных символических личных взаимодействий, зависящих от статуса, лояльности и почитания (Pitcher, 2009: 126–127). К. Клэпем считает, что «при патримониализме, в отличие от рационально-легального господства, властью наделяется лицо, а не пост, а в отличие от харизматического — власть лица закреплена в социальном и политическом порядке» (Clapham, 2004: 48).

Согласно Г. Роту, патримониализм относится к системе верований и организационной практики, поэтому его можно найти в любом режиме в континууме от демократии до тоталитаризма (Roth, 1968: 197). Дж. Эрдман и У. Энгель подчеркивают, что «неопатримониализм, или современный патримониализм, понимаемый как сосуществование патримониальных и легально-рациональных бюрократических элементов, может быть характерен для любого политического режима (Erdmann, Engel, 2007: 98). По их мнению, «неопатримониальное правление существует в рамках легально-рациональной бюрократии или современной государственности», причем «две ролевые системы или логики сосуществуют друг с другом, образуя патримониализм личных отношений при рационально-легальной бюрократии» (ibid.: 105), что приводит к неустойчивости и непредсказуемости осуществления власти (ibid.: 114).

По словам М. Хадсона, все арабские монархии «открыли роль традиции в качестве важного идеологического ресурса, поэтому занялись строительством традиции: для сегодняшних монархов музеи имеют значение» (Hudson, 2015: 30). Монархи

⁶ В Ливане официально признаны 18 этноконфессиональных общин.

занимаются «производством национальной идентичности» через музеи, «поддерживающие вымышленную историю нации»⁷.

С точки зрения Х. Линца, султанистские режимы не имеют ни традиционной, ни рационально-легальной легитимации, ни идеологического обоснования (Linz, 2000: 152; Chehabi, Linz, 1998: 7). В трактовке М. Вебера и Д. Истона персональная легитимность шире харизматической; под последней чаще всего понимаются эмоционально окрашенные взаимоотношения между лидерами и их последователями. В основе персональной легитимности лежат оценки персональных достоинств и значимости лидеров без учета положения в системе и продвигаемых идеологических принципов (Easton, 1965: 303). Как отмечал М. Хадсон, «в традиционной арабской политике мы не можем говорить, что “пост создает человека”. Наоборот, лидер должен демонстрировать свой личный потенциал, чтобы заслужить традиционную клятву верности со стороны подданных» (Hudson, 1977: 19). Иными словами, в арабской монархии важна не структурная, а персональная легитимация.

Харизматическая легитимность появляется во времена кризисов, когда происходит трансформация систем и исчезает традиционная легитимность институтов и лидеров. К. Клэпем считает, что понятие харизмы применимо к новой политике, при которой в политический процесс включаются новые группы, так как их мобилизация требует определенных лидерских качеств (Clarman, 2004: 47). По мнению Р. Бендикса, настоящая харизма встречается редко, появляясь из «веры в непостижимый дар одного человека, разделяемый его последователями», появлению харизматиков способствует благоприятный для них контекст — быстрые политические изменения (Bendix, 1967: 342, 352). Харизматиками в арабских странах обычно называют строителей «нового порядка» — Гамалея Абдель Насера, Муаммара Каддафи, шейхов — основателей ОАЭ, хотя, согласно Э. Шилзу, этот список может быть шире, поскольку «любые легитимирующие действия пробуждают харизму, и все эффективные правители обладают харизматическими чертами» (Shills, 1965: 204).

Наличие харизмы имеет особую значимость в период реформ. Так, М. Галперн отмечает, что харизма сама по себе не может обеспечить устойчивости режима, но может заложить основы для этого. Например, в случае если лидер и партия вместе добились успехов в получении независимости, их общий триумф подтвердит харизму, которая обеспечит их несокрушимой монополией в период ее рутинизации (Halpern, 1963: 285).

Современные исследователи харизматической легитимности считают, что наиболее продуктивно концептуализировать харизму через ценности, верования, символы и эмоции, исключив идеологию, так как «идеологи могут быть харизматиками, но не все харизматики являются идеологами» (Antonakis, Bastardoz, Jacquart, & Shamir, 2016).

Идеологическая легитимация сопряжена с различными концепциями развития, основанными на коллективистских идеологиях (Albrecht, Schlumberger, 2004). В ближневосточном контексте и монархи, и военные, и однопартийные правители «ищут легитимацию на основе базовой арабской солидарности», апеллируя в том

---

⁷ Akinci, I. Museums as Political Institutions of National Identity Reproduction: Are Gulf States an Exception? Retrieved from: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2020/04/24/museums-as-political-institutions-of-national-identity-reproduction-are-gulf-states-an-exception/>

числе к исламским ценностям (Bendix, 1978: 594). И арабский национализм в различных страновых версиях, и арабский социализм имеют корни в мусульманской истории и традиционных мусульманских воззрениях, связанных с мечтой о великом арабском государстве и новом золотом веке ислама.

Легитимация через идеологию и обоснование стратегии развития были свойственны арабским республикам после национально-освободительных революций или предоставления им независимости. В этом ряду Сирия, Ирак, Египет, Ливия, Тунис, Алжир и Южный Йемен. Коллективистские идеологии насеризма, баасизма и более умеренного арабского национализма предлагали новые эгалитарные модели развития для идеологической легитимации недемократических режимов (Albrecht, Schlumberger, 2004: 377). М. Хадсон назвал эти легитимирующие идеологии «политическими религиями» (Hudson, 1977: 21)

Часто на идеологическую легитимацию наслаивается популистская. К. Мюдде понимает популизм как «ненасыщенную» [thin-centered] идеологию, разделяющую общество на две антагонистические однородные группы — «истинный народ» и «коррупцированную элиту» и основанную на том тезисе, что политика должна представлять собой выражение «общей воли» (Mudde, 2004: 543). Использование популистской легитимации не меняет тип режима, но модифицирует его. По мнению некоторых ученых, авторитарным режимам не нужен популизм, так как они могут опираться на другие легитимирующие режим дискурсы (Bonikowski, 2017: 190), но эволюция арабских режимов показывает, что популизм в арабских реалиях встречается очень часто и может быть сопряжен с любыми разновидностями авторитаризма. Это связано с тем, что он позволяет авторитарным лидерам компенсировать слабость формальных политических институтов.

Персоналистский режим наиболее тесно связан с популизмом. Это объясняется тем, что персонализм предполагает контроль лидера над процессом принятия решений, связь личности лидера с партией власти и рекрутирование элиты на основе персональной лояльности лидеру. По сути, лидер-персоналист не может не быть популистом. Однако популистская легитимация может иметь лишь краткосрочные результаты, так как лидеру приходится выполнять свои популистские обещания в условиях авторитаризма, что увеличивает разрыв между лозунгами и реальностью. Популистские авторитарные режимы в Сирии, Ираке, Египте, Ливии, Тунисе и Алжире, апеллирующие к народному суверенитету и социалистической идее, в дальнейшем были подвергнуты критике за создание автократии, противоречащей заявленной эгалитарной идеологии (Anderson, 1991: 14).

Что касается институциональной легитимации в рационально-легальном веберовском смысле, то, как отмечал М. Хадсон, независимо от типа режима и формы правления и республиканские, и монархические государства были полицейскими (*mukhabarat*) (Hudson, 2015: 31).

2) Четвертый уровень: учет вариационных факторов режимной устойчивости

Четвертый уровень классификации предполагает добавление вариационных факторов устойчивости политического режима, среди которых ресурсы (приводящие к появлению режимов-рантье), репрессии, WOW-факторы.

Автократы всегда оказываются перед лицом многочисленных угроз со стороны правящей элиты (расколы и мятежи), оппозиции (сопротивление) и общества (восстания, беспорядки и революции).

Дж. Гершевский выделяет три механизма их преодоления: легитимацию, репрессии и кооптацию (Gerschewski 2013). Легитимация, как уже отмечалось, должна обеспечить поддержку общества, кооптация — единство элиты и лояльность умеренной оппозиции, репрессии — нейтрализовать радикальную оппозицию. Институционализация также является одной из форм кооптации умеренной оппозиции. Ч. Тилли также подчеркивал двуединство репрессий и содействия (*facilitation*), понимая под репрессиями «увеличение затрат группы на коллективные действия», а под содействием — уменьшение (Tilly, 1978: 100). Х. Линц называет эту тактику «сочетанием страха и наград» (Linz, 2000: 151).

Р. Уинтроуб сформулировал «дилемму диктатора», которая заключается в том, что простое накопление власти не решает проблемы повиновения: чем больше власти у высших чиновников, тем меньше они могут быть уверены в лояльности и искренности подчиненных. Ее можно разрешить, используя три механизма: репрессии, соревнование и перераспределение, что и определит характер диктатуры. По его мнению, больше устойчивости этим режимам придадут институты конкуренции между основными влиятельными акторами, «награды» сторонникам и репрессии по отношению к оппозиции (Wintrobe, 1998: 335–336).

Однако традиционный способ борьбы с явными или предполагаемыми угрозами путем насилия и репрессий, во-первых, довольно затратен, во-вторых, не всегда эффективен для предотвращения новых заговоров и попыток переворотов, и в-третьих, еще более подрывает легитимность (в том числе и на международной арене) нелегитимного режима (Gandhi, Przeworski, 2007).

Важным структурным фактором, объясняющим устойчивость автократии на Арабском Востоке, является так называемое «нефтяное проклятие». Еще С. Хантингтон писал, что «нефтяные доходы увеличивают мощь государственной бюрократии и сокращают или вовсе устраняют необходимость налогообложения... Чем меньше уровень налогообложения, тем меньше у общественности причин требовать представительства» (Хантингтон, 2003: 77). М. Росс, изучая причинные механизмы связи «нефть — авторитаризм», выделил три эффекта: эффект рантье, эффект репрессий и эффект модернизации. Эффект рантье включает снижение налогообложения, повышение расходов на патронаж и предотвращение формирования независимых от государства групп. Эффект репрессий означает, что ресурсообеспеченность позволяет увеличивать расходы на поддержание внутренней безопасности страны и блокировать демократические устремления населения. Эффект модернизации заключается в том, что сырьевая экономика может не производить необходимых для демократизации социальных и культурных изменений (Ross, 2001).

Таким образом, снижение мировых цен на нефть может стать структурным фактором потери политической легитимности (Albrecht, Schlumberger, 2004: 378) и трансформации авторитарного режима. Связь между насилием и экономическими изменениями показал Р. Уинтроуб, выделив в контексте «дилеммы диктатора» четыре типа диктатуры: тимократы (низкий уровень репрессий и высокий уровень лояльности), тираны (высокий уровень репрессий и низкий уровень лояльности), мелкотравчатые диктаторы (*tinpots*) (низкий уровень репрессий, и лояльности), тоталитарные диктаторы (высокий уровень репрессий, и лояльности). При экономических изменениях тимократы и мелкотравчатые диктаторы будут понижать уровень репрессий, тираны и тоталитарные лидеры — повышать, даже если экономический рост способствует популярности диктатора (Wintrobe, 2001: 40).

Таблица 1. Пример качественного анализа литературы по отдельным кейсам

Table 1. A sample of the qualitative analysis of literature on selected cases

Государство	1-й уровень Общий тип режима	2-й уровень Институци- ональная составляющая	3-й уровень Основа легитимации	4-й уровень Вариационные факторы
Марокко	Авторитарный (до 2012 г.), гибридный	Нединасти- ческая (монархо- центричная) монархия	Традиционная (монархическая) Религиозная (монархи — потомки Пророка) Институциональная	WOW-фактор
Саудовская Аравия	Авторитарный	Династическая монархия	Традиционная (монархическая, религиозная)	Государство- рантье WOW-проекты
Ливия (Муаммар Каддафи)	Авторитарный	Авторитарный персоналистский	Идеологическая (революционная, националисти- ческая) Популистская	Государство- рантье WOW-проекты
Египет (Гамаль Абдель Насер)	Авторитарный	Однопартийный	Идеологическая (революционная, коллективистская) Популистская Харизматическая	
Египет (Анвар Садат)	Авторитарный	Многопартийный с доминирующей партией (с 1979 г.)	Идеологическая Постпопулистская	
Египет (Хосни Мубарак)	Авторитарный Гибридный	Многопартийный с доминирующей партией Выборы Роль армии	Традиционная (продолжение революционного пути) Популистская Институциональная (политическая и экономическая либерализация)	Репрессии Система патронажа
Египет (Абдель Фаттах ас-Сиси)	Авторитарный	Многопартийный	Популистская	WOW-проекты

Источник: Anderson, 1991; Herb, 1999; Hudson, 1977; Косач, 2013; King, 2020; Hinnebusch, 1984 и др.

Позиционируя себя «отцами народа», диктаторы, как правило, делают подарки населению, к которым Уинтроуб относит различные инфраструктурные, в том числе затратные и неэффективные, проекты, создающие лидерский «капитал лояльности» (Wintrobe, 1998: 31). Хрестоматийным примером таких проектов выступает «Великая рукотворная река» в Ливии при Муаммаре Каддафи.

К крупномасштабным популистским проектам прибегает в условиях отсутствия харизматической основы режима египетский лидер Абдель Фаттах ас-Сиси: это выделение 58 млрд долл. на строительство административной столицы в пустыне за пределами Каира, большие закупки оружия, проект строительства ядерного реактора, расширение Суэцкого канала, а также строительство самого высокого здания в Африке, самой большой церкви на континенте и самой большой рыбной фермы в мире⁸. В отличие от похожих мегапроектов, реализованных и реализуемых нефтяными монархиями из собственного бюджета, Египет осуществляет их на деньги кредиторов (внешний долг Египта на сентябрь 2022 г. составил 155 млрд долл.).

Заключение

Представленная в статье таксономизация нацелена на проведение анализа политических режимов на среднем уровне абстракции с использованием смешанных методов политического анализа.

Предварительно по каждому кейсу необходимо провести качественный анализ литературы для выявления основных характеристик политического режима и факторов его устойчивости (см. табл. 1).

Затем необходимо провести операционализацию в соответствии с предложенной в статье таксономизацией. На первом уровне таксономизации будут использованы категориальные переменные (авторитарный, гибридный, демократический). На втором уровне институциональные факторы будут операционализированы при помощи объективных индексов (индекса соревновательности, индекса формальных полномочий, индекса эффективного числа партий и индекса персонализма). На третьем уровне таксономизации предполагается проведение критического дискурс-анализа речей и заявлений политических лидеров для выявления легитимирующей риторики и конструирования индекса легитимности режима на основе шкалы суммарных оценок Ликерта. На четвертом уровне в анализ будут включены структурные переменные устойчивости режима.

Предложенная таксономизация выглядит сложной, но имеет то преимущество, что позволяет лучше ориентироваться в многочисленных разновидностях арабского авторитаризма и оценивать механизмы его устойчивости качественно и количественно.

Библиографический список

- Косач, Г. Г. (2013). Саудовская Аравия: власть и религия. *Политическая наука*, 2, 100–125.
- Мелихов, И. А. (2006). Эволюция ваххабитского фактора в Саудовской Аравии. *Россия и мусульманский мир*, 7, 67–81.
- Сюкияйнен, Л. Р. (2016). Конституционный статус шариата как источника законодательства в арабских странах. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 4, 205–222.
- Хантингтон, С. (2004). *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс традиция.
- Хантингтон, С. (2003). *Третья волна. Демократизация в конце XX века*. М.: РОССПЭН.
- Харитонова, О. Г. (2021). Количественный анализ политических режимов в странах Арабского Востока: миссия невыполнима? *Политическая наука*, 1, 135–159. DOI: 10.31249/poln/2021.01.06
- Харитонова, О. Г. (2012). Недемократические политические режимы. *Политическая наука*, 3, 9–30.
- Albrecht, H., Schlumberger, O. (2004). Waiting for Godot?: Regime Change Without Democratization in the Middle East. *International Political Science Review*, 25(4), 371–392.

⁸ Springbord, R. Follow the Money to the Truth about Al-Sisi's Egypt. Retrieved from: <https://pomed.org/snapshot-follow-the-money-to-the-truth-about-al-sisis-egypt/#note44> (проверено 30.12.2022)

- Anderson, L. (1991). Absolutism and the Resilience of Monarchy in the Middle East. *Political Science Quarterly*, 106(1), 1–15. DOI: 10.2307/2152171
- Antonakis, J., Bastardo, N., Jacquart, P., & Shamir, B. (2016). Charisma: An Ill-Defined and Ill-Measured Gift. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 3(1), 293–319. DOI: 10.1146/annurev-orgpsych-041015-062305
- Bank, A., Richter, T., Sunik, A. (2014) Durable, Yet Different: Monarchies in the Arab Spring. *Journal of Arabian Studies*, 4(2), 163–179, DOI: 10.1080/21534764.2014.971647
- Bendix, R. (1967). Reflections on Charismatic Leadership. *Asian Survey*, 7(6), 341–352. DOI:10.2307/2642609
- Bendix, R. (1978). *Kings or People. Power and the Mandate to Rule*. Berkeley, University of California Press.
- Bonikowski, B. (2017). Ethno-nationalist Populism and the Mobilization of Collective Resentment. *The British Journal of Sociology*, 68(1), 181–213. DOI: 10.1111/1468-4446.12325.
- Bratton, M., van de Walle, N. (1997). *Democratic Experiments in Africa. Regime Transitions in Comparative Perspective*. N.Y., Cambridge University Press.
- Brownlee, J. (2007). *Authoritarianism in the Age of Democratization*. N.Y. Cambridge Univ. Press.
- Brownlee, J. (2007). Hereditary Succession in Modern Autocracies. *World Politics*, 59(4), 595–628. DOI: 10.1353/wp.2008.0002.
- Chehabi, H.E., Linz, J.J, eds. (1998). *Sultanistic regimes. Baltimore and London*. Johns Hopkins University Press.
- Clapham C. (2004). *Third World Politics: An Introduction*. Taylor & Francis e-Library.
- Easton, D. (1965). *Systems Analysis of Political Life*. N.Y., L., John Wiley & Sons Inc.
- Erdmann, G., Engel, U. (2007). Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept. *Journal of Commonwealth and Comparative Politics*, 45(1), 95–119.
- Erzow, N. M., Frantz, E. (2011). *Dictators and Dictatorships. Understanding Authoritarian Regimes and Their Leaders*. N.Y., The Continuum International Publishing Group.
- Gandhi, J., Przeworski, A. (2006). Cooperation, Cooptation, and Rebellion under Dictatorship. *Economics & Politics*, 18(1), 1–26.
- Gandhi, J., Przeworski, A. (2007). Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats. *Comparative Political Studies*, 40(11), 1279–1301. DOI: 10.1177/0010414007305817.
- Geddes, B. (2006). *Why Parties and Elections in Authoritarian Regimes?* Revised Version of a Paper Prepared for Presentation at the Annual Meeting of the American Political Science Association 2005. Washington, D.C..
- Geddes, B., Wright, J., Frantz, E. (2018). *How Dictatorships Work: Power, Personalization, and Collapse*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gerschewski, J. (2013). The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-optation in Autocratic Regimes. *Democratization*, 20(1), 13–38. DOI: 10.1080/13510347.2013.738860
- Goldstone, J. A. (2011). Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies. *Foreign Affairs*, 90(3), 8–16.
- Hadenius, A., Teorell, J. (2007). Pathways from Authoritarianism. *Journal of Democracy*, 18(1), 143–157. DOI: 10.1353/jod.2007.0009
- Halpern, M. (1963). *The Politics of Social Change in the Middle East and North Africa*. Princeton, N.J., Princeton University Press.
- Herb, M. (1999). *All in the Family: Absolutism, Revolution, and Democracy in the Middle East*. Albany, State University of New York Press.
- Hinnebusch, R. A. (1984) Charisma, revolution, and state formation: Qaddafi and Libya. *Third World Quarterly*, 6(1), 59–73, DOI: 10.1080/01436598408419755
- Hudson, M. C. (1977). *Arab Politics. The Search for Legitimacy*. New Haven and L., Yale University Press.

- Hudson, M.C. (2015). *Arab Politics after the Uprisings Still Searching for Legitimacy*. In L. Sadiki ed. *Routledge Handbook of the Arab Spring. Rethinking Democratization*. Abingdon, Routledge, 28–38.
- Jackson, R. H., Rosberg, C. G. (1984). Personal Rule: Theory and Practice in Africa. *Comparative Politics*, 16(4), 421–442. DOI: 10.2307/421948
- King, Stephen J. (2020). *The Arab Winter. Democratic Consolidation, Civil War, and Radical Islamists*. N. Y. Cambridge University Press.
- Lee, R. D. (2014). *Religion and Politics in the Middle East: Identity, Ideology, Institutions, and Attitudes*. Boulder, Westview Press.
- Linz, J. J. (2000). *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. Boulder, Colorado, Lynne Rienner Publishers.
- Menaldo, V. (2012). The Middle East and North Africa's Resilient Monarchs. *The Journal of Politics*, 74(3), 707–722. DOI: 10.1017/s0022381612000436
- Mudde, C. (2004). The populist Zeitgeist. *Government and opposition*, 39(4), 542–563. DOI: 10.1111/j.1477–7053.2004.00135.x.
- Pitcher, A. (2009). Rethinking Patrimonialism and Neopatrimonialism in Africa. *African Studies Review*, 52(1), 125–156. DOI: 10.1353/arw.0.0163
- Ross, M. (2001). Does Oil Hinder Democracy? *World Politics*, 53, 325–361.
- Roth, G. (1968). Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire-Building in the New States. *World Politics*, 20(2), 194–206., DOI:10.2307/2009795
- Sartori, G. (1970). Concept Misformation in Comparative Politics. *The American Political Science Review*, 64(4), 1033–1053.
- Schedler, A. (2002). Elections without democracy: The menu of manipulation. *Journal of Democracy*, 13(2), 36–50.
- Shills, E. (1965). Charisma, Order, and Status. *American Sociological Review*, 30(2), 199–213. DOI:10.2307/2091564.
- Stepan, A., Linz, J.J. (2013). Democratization Theory and the 'Arab Spring'. *Journal of Democracy*, 24(2), 14–30.
- Tilly, C. (1978). *From Mobilization to Revolution*. N.Y., Random House. Newbery Award Records Inc.
- Wahman, M., Teorell, J., Hadenius, A. (2013) Authoritarian Regime Types Revisited: Updated Data in Comparative Perspective. *Contemporary Politics*, 19(1), 19–34, DOI: 10.1080/13569775.2013.773200
- Wintrobe, R. (1998). *The Political Economy of Dictatorship*. N.Y., Cambridge University Press.
- Wintrobe, R. (2001). How to Understand, and Deal with Dictatorship: an Economist's View. *Economics of Governance*, 2, 35–58. DOI: 10.1007/s10101-001-8001-x
- Wright, J. (2021). The Latent Characteristics That Structure Autocratic Rule. *Political Science Research and Methods*, 9(1), 1–19. DOI: 10.1017/psrm.2019.50

Статья поступила в редакцию 25.11.2022

Статья принята к публикации 28.12.2022

Для цитирования: Харитоновна О. В. Типологии политических режимов в борьбе за смыслы арабской режимной динамики. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2022. Т. 23. № 3. С. 48-66.

TYOLOGIES OF POLITICAL REGIMES IN THE STRUGGLE FOR MEANINGS WITHIN ARAB REGIME DYNAMICS

O. G. Kharitonova

Oxana G. Kharitonova, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Vernadskogo prosp., 76, Moscow, 119454, Russia.

E-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru. ORCID 0000-0003-1908-0613.

Acknowledgements. The study was funded by RFBR within the framework of the scientific project № 20-011-00922A “The Arab State after the ‘Arab Spring’: Trajectories and Dynamics of Political Transformations.”

Abstract. The analysis of classifications and typologies of political regimes that exist in political science demonstrates that the classifications that are aimed at global comparisons at a high level of abstraction will not always capture the political shifts made within one type of regime, both because of the rapid changes in the political sphere and also because it is difficult to assess changes in different political and socio-cultural environments. For a more accurate picture of the regime dynamism, the author recommends dropping to the middle level of the ladder of abstraction, as well as using a detailed four-level taxonomy of political regimes. On the first level of the analysis, in particular, a trichotomy was applied to distinguish between democratic, hybrid, and authoritarian regimes; the second level examines formal institutions of political regimes through a modified and updated version of the authoritarian regime type dataset first introduced by Hadenius and Teorell; the third level takes into account the legitimization basis of the regime, including its traditional (monarchical and religious), ideological, charismatic and populist forms; at the fourth level, the classification incorporates variation factors of political regime stability, such as resources (rentier regimes), repressions, and WOW-factors. The suggested taxonomization algorithm has been developed on the basis of the empirical data collected from the Arab East before and after the “Arab Spring”.

Keywords: Arab East, “Arab Spring”, political change, authoritarianism, legitimacy, regime dynamics, political regime, taxonomy of political regimes.

DOI 10.31429/26190567-23-3-48-66

References

- Albrecht, H., Schlumberger, O. (2004). Waiting for Godot”: Regime Change Without Democratization in the Middle East. *International Political Science Review*, 25(4), 371–392.
- Anderson, L. (1991). Absolutism and the Resilience of Monarchy in the Middle East. *Political Science Quarterly*, 106(1), 1–15. DOI: 10.2307/2152171
- Antonakis, J., Bastardo, N., Jacquart, P., & Shamir, B. (2016). Charisma: An Ill-Defined and Ill-Measured Gift. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 3(1), 293–319. DOI: 10.1146/annurev-orgpsych-041015-062305
- Bank, A., Richter, T., Sunik, A. (2014) Durable, Yet Different: Monarchies in the Arab Spring. *Journal of Arabian Studies*, 4(2), 163–179, DOI: 10.1080/21534764.2014.971647
- Bendix, R. (1967). Reflections on Charismatic Leadership. *Asian Survey*, 7(6), 341–352. DOI:10.2307/2642609
- Bendix, R. (1978). *Kings or People. Power and the Mandate to Rule*. Berkeley, University of California Press.
- Bonikowski, B. (2017). Ethno-nationalist Populism and the Mobilization of Collective Resentment. *The British Journal of Sociology*, 68(1), 181–213. DOI: 10.1111/1468-4446.12325.
- Bratton, M., van de Walle, N. (1997). *Democratic Experiments in Africa. Regime Transitions in Comparative Perspective*. N.Y., Cambridge University Press.
- Brownlee, J. (2007). *Authoritarianism in the Age of Democratization*. N.Y. Cambridge Univ. Press.
- Brownlee, J. (2007). Hereditary Succession in Modern Autocracies. *World Politics*, 59(4), 595–628. DOI: 10.1353/wp.2008.0002.
- Chehabi, H.E., Linz, J.J, eds. (1998). *Sultanistic regimes*. Baltimore and London. Johns Hopkins University Press.
- Clapham C. (2004). *Third World Politics: An Introduction*. Taylor & Francis e-Library.
- Easton, D. (1965). *Systems Analysis of Political Life*. N.Y., L., John Wiley & Sons Inc.
- Erdmann, G., Engel, U. (2007). Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept. *Journal of Commonwealth and Comparative Politics*, 45(1), 95–119.

- Erzow, N. M., Frantz, E. (2011). *Dictators and Dictatorships. Understanding Authoritarian Regimes and Their Leaders*. N.Y., The Continuum International Publishing Group.
- Gandhi, J., Przeworski, A. (2006). Cooperation, Cooptation, and Rebellion under Dictatorship. *Economics & Politics*, 18(1), 1–26.
- Gandhi, J., Przeworski, A. (2007). Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats. *Comparative Political Studies*, 40(11), 1279–1301. DOI: 10.1177/0010414007305817
- Geddes, B. (2006). *Why Parties and Elections in Authoritarian Regimes?* Revised Version of a Paper Prepared for Presentation at the Annual Meeting of the American Political Science Association 2005. Washington, D.C.
- Geddes, B., Wright, J., Frantz, E. (2018). *How Dictatorships Work: Power, Personalization, and Collapse*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gerschewski, J. (2013). The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-optation in Autocratic Regimes. *Democratization*, 20(1), 13–38. DOI:10.1080/13510347.2013.738860
- Goldstone, J. A. (2011). Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies. *Foreign Affairs*, 90(3), 8–16.
- Hadenius, A., Teorell, J. (2007). Pathways from Authoritarianism. *Journal of Democracy*, 18(1), 143–157. DOI: 10.1353/jod.2007.0009
- Halpern, M. (1963). *The Politics of Social Change in the Middle East and North Africa*. Princeton, N.J., Princeton University Press.
- Herb, M. (1999). *All in the Family: Absolutism, Revolution, and Democracy in the Middle East*. Albany, State University of New York Press.
- Hinnebusch, R. A. (1984) Charisma, revolution, and state formation: Qaddafi and Libya. *Third World Quarterly*, 6(1), 59–73, DOI: 10.1080/01436598408419755
- Hudson, M. C. (1977). *Arab Politics. The Search for Legitimacy*. New Haven and L., Yale University Press.
- Hudson, M.C. (2015). *Arab Politics after the Uprisings Still Searching for Legitimacy*. In L. Sadiki ed. *Routledge Handbook of the Arab Spring. Rethinking Democratization*. Abingdon, Routledge, 28–38.
- Huntington, S. (2004). *Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh* [Political Order in Changing Societies]. Moskva: Progress traditsiya.
- Huntington, S. (2003). *Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka* [Third Wave. Democratization in the late XX Century]. Moskva: ROSSPEN.
- Jackson, R. H., Rosberg, C. G. (1984). Personal Rule: Theory and Practice in Africa. *Comparative Politics*, 16(4), 421–442. DOI: 10.2307/421948
- King, Stephen J. (2020). *The Arab Winter. Democratic Consolidation, Civil War, and Radical Islamists*. N. Y. Cambridge University Press.
- Kharitonova, O. G. (2021). Kolichestvennyy analiz politicheskikh rezhimov v stranakh Arabskogo Vostoka: missiya nevypolnima? [Quantitative Research of Political Regimes in the Arab Middle East: Mission Impossible?]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 1, 135–159. DOI: 10.31249/poln/2021.01.06
- Kharitonova, O. G. (2012). Nedemokraticheskiye politicheskkiye rezhimy [Undemocratic Political Regimes]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 3, 9–30.
- Kosach, G. G. (2013). Saudovskaya Araviya: vlast' i religiya [Saudi Arabia: Power and Religion]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2, 100–125.
- Lee, R. D. (2014). *Religion and Politics in the Middle East: Identity, Ideology, Institutions, and Attitudes*. Boulder, Westview Press.
- Linz, J. J. (2000). *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. Boulder, Colorado, Lynne Rienner Publishers.
- Melikhov, I. A. (2006). Evolutsiia vahhabitskogo faktora v Saudovskoi Aravii [Evolution of the Wahhabist factor in Saudi Arabia]. *Rossiya i musulmanskii mir* [Russia and the Muslim World], 7, 67–81.
- Menaldo, V. (2012). The Middle East and North Africa's Resilient Monarchs. *The Journal of Politics*, 74(3), 707–722. DOI: 10.1017/s0022381612000436

- Mudde, C. (2004). The populist Zeitgeist. *Government and opposition*, 39(4), 542–563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x
- Pitcher, A. (2009). Rethinking Patrimonialism and Neopatrimonialism in Africa. *African Studies Review*, 52(1), 125–156. DOI:10.1353/arw.0.0163
- Ross, M. (2001). Does Oil Hinder Democracy? *World Politics*, 53, 325–361.
- Roth, G. (1968). Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire-Building in the New States. *World Politics*, 20(2), 194–206., DOI: 10.2307/2009795
- Sartori, G. (1970). Concept Misformation in Comparative Politics. *The American Political Science Review*, 64(4), 1033–1053.
- Schedler, A. (2002). Elections without democracy: The menu of manipulation. *Journal of Democracy*, 13(2), 36–50.
- Shills, E. (1965). Charisma, Order, and Status. *American Sociological Review*, 30(2), 199–213. DOI:10.2307/2091564.
- Siukiyainen, L. R. (2016). Konstitusionniy status shariata kak istochnik zakonodatelstva v arabskikh stranakh [Constitutional Status of Sharia as A source of Legislation in the Arab States]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki* [Law. Journal of Higher School of Economics], 4, 205–222.
- Stepan, A., Linz, J.J. (2013). Democratization Theory and the ‘Arab Spring’. *Journal of Democracy*, 24(2), 14–30.
- Tilly, C. (1978). *From Mobilization to Revolution*. N.Y., Random House. Newbery Award Records Inc.
- Wahman, M., Teorell, J., Hadenius, A. (2013) Authoritarian Regime Types Revisited: Updated Data in Comparative Perspective. *Contemporary Politics*, 19(1), 19–34, DOI: 10.1080/13569775.2013.773200
- Wintrobe, R. (1998). *The Political Economy of Dictatorship*. N.Y., Cambridge University Press.
- Wintrobe, R. (2001). How to Understand, and Deal with Dictatorship: An Economist’s View. *Economics of Governance*, 2, 35–58. DOI: 10.1007/s10101-001-8001-x
- Wright, J. (2021). The Latent Characteristics That Structure Autocratic Rule. *Political Science Research and Methods*, 9(1), 1–19. DOI: 10.1017/psrm.2019.50

Received 25.11.2022

Accepted 28.12.2022

For citation: Kharitonova O.G. Typologies of Political Regimes in The Struggle for Meanings Within Arab Regime Dynamics.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2022. Vol. 23. No. 3. Pp. 48-66.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).